

Кожаные изделия и сопутствующие им предметы из раскопок Кемского погоста в 2017 г.

А. В. Курбатов¹

Аннотация. Охранные раскопки Кемского погоста в 2017 г. продолжают активное археологическое изучение средневековых памятников Русского Севера. Были изучены 117 погребений, в 28 из которых были зафиксированы остатки кожаной обуви. Как подъемный материал также были взяты пять деталей сапога и фрагмент поршня. Встреченная обувь может быть датирована второй половиной XVI — началом XVII в.

Annotation. Rescue excavations at the Kem pogost (churchyard) in 2017 continued the active archaeological investigations of mediaeval sites of North Russia. The excavations uncovered 117 burials. In 28 of the latter, remains of leather footwear were found. In addition, surface finds of five parts of high boots and a fragment of a porshen (leathern sandal) were examined. The footwear recovered is datable to the second half of the 16th — early 17th century.

Ключевые слова: Русский Север, поморы, Кемский погост, погребения, кожаная обувь.

Keywords: North Russia, Pomors, Kem pogost, burials, leathern footwear.

DOI 10.31600/1817-6976-2019-25-192-205

Введение

В последние годы активизировались археологические исследования средневековых памятников Русского Севера. Во многом они опираются на результаты полевых исследований О. В. Овсянникова и собранные им письменные документы. Можно отметить начатые в 2009 г. на Мурманском берегу раскопки церкви свв. Бориса и Глеба на пограничной р. Паз, работы возле с. Варзуга, а также обследование в 2013 г. церкви Рождества Богородицы в г. Кандалакша (Шахнович, 2010. С. 63 и сл.; 2011. С. 100 и сл.; Шахнович, Ширококов, 2014. С. 174 и сл.). Были изучены остатки средневековых поселений, церкви и могильники при них. Наиболее существенные материалы получены на некрополе у с. Варзуга (Шахнович,

Ширококов, 2013. С. 97 и сл.). Можно отметить получение антропологических данных, помогающих объяснить особенности освоения региона. Выводы специалистов отсылают нас к сходным чертам обряда захоронения и антропологическим признакам погребенных, наиболее близким средневековому карельскому населению (Хартанович, Шахнович, 2009. С. 104–109; Шахнович и др., 2012. С. 165–166; Шахнович, Ширококов, 2013. С. 110, 113). В этот ряд вписываются и охранные раскопки Кемского погоста в 2017 г.

Первые упоминания р. Кемь встречены в частных грамотах Великого Новгорода, которые дают значительную часть ранних сведений об освоении этой территории Поморья и относятся к середине — второй половине XV в. (ГВНП, 1949. С. 291). Заметим, что при изучении этих документов следует обращать внимание на то, что датировки приводимых

¹ Отдел славяно-финской археологии, ИИМК РАН. Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия. E-mail: alkurba@rambler.ru.

грамот различаются в разных изданиях (ср.: *Материалы по истории Карелии*, 1941).

В 1551 г. царским указом была основана Кемская волость (*Ключевский*, 1990. С. 13–14). Это означало и появление административного центра — г. Кемь, обустроенного на месте уже существовавшего поселения. Об этом свидетельствует, по крайней мере, один опубликованный на сегодня документ — закладная грамота («кабала») Филиппа Семенова, сына Микуева, Петру, Сидорову сыну, на пожню в Кеми, составленная 25 марта 1543 г. Составитель грамоты указал себя: «А кабалу писал дияк кемской Федотец лета 7051-го» (*АСМ*, 1988. С. 61, № 93). Официальное учреждение в Кеми административного центра, надо полагать, означает и то, что здесь уже существовал собор, следовательно, и погост при нем.

Предположить существование относительно крупного поселения на месте будущего административного центра в Кеми можно и при чтении грамот 1542 г., направленных великим князем Иваном Васильевичем жителям Керети и Ковды. В первой Кереть названа слободой, а согласно второй выборные земские целовальники этих двух поселений должны участвовать в совместных судах (*Материалы по истории Карелии*, 1941. С. 143–146, № 56, 57). Имеется также и уставная грамота игумена Соловецкого монастыря Филиппа (Колычева), направленная крестьянам Виремской, Сумской, Шижненской и Сухонаволоцкой волостей в 1548 г. (*Материалы по истории Карелии*, 1941. С. 159–162, № 65). Эти грамоты показывают, что все относительно крупные поселения Западного Поморья, окружающие будущий город Кемь, к тому времени уже стали считаться волостными центрами. Поэтому поселение в Кеми, утвержденное волостным центром через несколько лет, не могло быть исключением. Надо полагать, что количество населения в самом Кемском поселении и в окрестных местах было достаточным для выделения этих земель в самостоятельную волость, чему способствовало и наличие уже сложившегося центра. Таким образом, можно с определенным основанием считать, что

первая деревянная церковь на месте будущего Успенского собора была построена в первой половине XVI в., и территория вокруг нее была местом погоста, то есть местом захоронения жителей поселения.

По свидетельству вестфальского немца Генриха Штадена, одно время бывшего опричником у Ивана Грозного, в середине 1560-х гг. на р. Кемь стоял «большой незащищенный посад», а жители его «питаются сельдью и ловят семгу» (*Штаден*, 1925. С. 54об.; 2005. С. 438). В это время расширение хозяйственной и торговой деятельности посада привлекло внимание западноевропейских предпринимателей в связи с открытием Северного морского пути. Некоторое время спустя голландец Симон ван Саллинген, конкурируя с англичанами, основал торговые конторы в Кеми, Суме, Шуе. Известно, в частности, что приехав в Новгород в 1566 г., он вел переговоры с местными торговцами обо доставке их товаров к гаваням Кольского полуострова, куда за ними могли бы прийти голландские корабли (*Бахрушин*, 1952. С. 78). В это время все чаще у кемских берегов стали появляться норвежские и английские торговые и промысловые суда.

В 1570-е гг. отмечены первые военные нападения шведов («каянцев») на русские поселения в Поморье (*Савич*, 1927. С. 55–56). В 1571 г. в море близ Соловецких островов появились военные корабли из состава соединенного флота Швеции, Голландии и вольного города Гамбурга. Они хотели ограбить Соловецкую обитель, которая была уже известна своими богатствами. Хотя тогда монастырю не был нанесен ущерб, а европейские моряки произвели только рекогносцировку, переполох среди братии был велик, поскольку у монастыря совершенно не было укреплений, военного гарнизона и вооружения. Опасность нападения заставила монастырь обратиться за помощью к Москве. Указной грамотой от 2 августа 1578 г. Иван Грозный послал «в Соловецкой монастырь Михаила Озерова, а с ним четыре человека пушкарей, десять человек стрельцов, да сто ручниц, да пять затинных пищалей, да с Вологды две

пищали полуторных да две девятипядных, а к ним по двесте ядер да четыре человека пушкарей, а зелья ко всему наряду и к пищалям и к ручницам сто пятнадцать пуд» (АСМ, 1990. С. 115, № 666). В грамоте также давалось указание сделать вокруг монастыря острог с башнями.

Одновременно было начато строительство деревянных острогов в Соловецком монастыре и на Кемском посаде. Строительство острога в Кеми еще не было завершено, когда в 1579 г. шведы вторглись в русские волости с запада, «по суху». Первый бой в Маслозерской волости принес поражение отряду воеводы М. Озерова, сам воевода был убит, а беззащитная волость подверглась «великому опустошению». Надгробная плита с могилы воеводы недавно была описана среди аналогичных находок в Соловецком монастыре (Буров, 2001. С. 132–134). Хотя остается непонятным, почему исследователь датировал плиту 1575 г.

Озаботившись защитой своих владений, по настоянию Соловецкого монастыря, московские власти отстроили на западе Кемского уезда, на пограничье со скандинавами, оборонительный пункт — Ринозерский острог. В декабре 1580 г., когда острог еще не был окончательно обустроен, воевода Киприян Оничков с малочисленной дружиной стрельцов, пушкарей, охочих казаков и «тутошних людей» выдержал осаду трехтысячного отряда «свейских людей», продолжавшуюся без перерыва трое суток. На приступе враг был отбит, деморализован и с великим уроном отогнан от острога, а во время вылазок «сидельцев» окончательно разгромлен: были убиты два вражеских военачальника и множество рядовых воинов, а также захвачены пленные и трофеи. К. Оничков был дважды ранен. Эта первая «знатная победа» на Севере была отмечена царем — воеводе К. Оничкову Иван Грозный отписал похвальную грамоту (Краткое историческое описание..., 2015. С. 112), полный текст которой приведен в документах Соловецкого монастыря (АСМ, 1990. С. 140, № 722).

В 1590 г. шведский десантный отряд Петра Багге разорил Умбу, Кереть и Кемь. После

этого прошло немногим больше года, и пришедший с запада вдоль р. Кемь отряд Свена Педерсона, сына Петра Багге, вновь сжег город «Кимен» (то есть Кемь) до основания (Ополовников, 1989. С. 155). Эти набеги шведов и усиление военного давления на волости Поморья потребовали срочного укрепления посада г. Кемь.

Описанные события показывают, что деревянная Успенская церковь неоднократно горела и восстанавливалась, надо полагать, практически на одном месте. Непосредственный предшественник ныне существующего Успенского собора, имевшего два придела — Предтеченский и Зосимо-Савватиевский, был построен в середине XVII в. на средства Соловецкого монастыря и сгорел вместе с частью Кемского городка в 1710 г. Новый храм был заложен в 1711 г., как считается, также на месте сгоревшего и ознаменован в честь победы над шведами в Северной войне. Успенский придел был освящен в июле 1714 г., тогда как весь собор был достроен в 1717 г. и заново освящен. К 1917 г. собор сохранялся в таком же виде, то есть с тремя приделами — во имя Успения Пресвятой Богородицы, Святителя Чудотворца Николая, а также преподобных отцов Зосимы и Савватия, Соловецких чудотворцев. Археологические исследования 2017 г. позволили предполагать перенесение собора начала XVIII в. на иное место относительно более ранних строений этого храма.

Археологические исследования 2017 г.

При проведении реставрационных работ по обновлению деревянного Успенского собора в г. Кемь постройка была в 2017 г. разобрана, а ленточный фундамент из валунов частично убран из траншей экскаватором. При этом обнажились частично разрушенные грунтовые захоронения, расположенные правильными рядами. Они были зарегистрированы в Государственном комитете Республики Карелия по охране объектов культурного наследия как вновь открытый памятник археологии «Грунтовый могильник Кемский погост».

Раскопки могильника в августе 2017 г. позволили изучить погребения в траншеях и прирезках под восточным объемом собора — Успенским приделом. При этом на площади, составляющей 12–15 % от всей площади открытых фундаментных траншей, плотность захоронений в 4–5 раз превышала ту, что была отмечена при первичной фиксации погребений на памятнике.

Всего было изучено 117 погребений, что позволяет говорить о статистической достоверности полученных данных. Умершие взрослые люди и подростки захоронены в гробовинах, сбитых из досок, тогда как дети младшего возраста и младенцы в основном были погребены в деревянных колодах, а несколько младенцев завернуты в бересту. Расположение погребений, насколько это можно видеть, было рядным и равномерным на всей площади, занимаемой Успенским собором. Ряды выстраиваются с запада на восток — от высокой части Леп-острова в сторону понижающегося берега к р. Кемь. На древней поверхности погребения отмечались камнями, которые окружали небольшие насыпные холмики над могильной ямой, и, может быть, установкой крестов. На всей изученной площади отмечается многослойность захоронений. Часто в самой ранней по времени могильной яме, как правило, наиболее глубокой, позднее совершались до четырех — пяти подхоронений. Высокая точность таких повторных захоронений предполагают намеренное желание совершить их в определенную могилу. Это, в свою очередь, позволяет уверенно предполагать погребение в одном месте членов одной семьи или кровных родственников. При этом соотношение числа младенцев и детей младшего возраста по отношению к взрослому населению составляет примерно 4–5 : 1.

Кожаные изделия

Непосредственно в 28 погребениях были зафиксированы остатки полуистлевшей кожаной обуви. Кроме того, как подъемный материал также были взяты пять деталей сапога (головка и четыре поднаряда) и

фрагмент поршня. Сохранность кожаных предметов сильно различалась по комплексам. Уже в процессе извлечения вещей из зафиксированных и описанных захоронений стало видно, что в трех из них кожа истлела очень сильно и сохранению не подлежит. При дальнейшей обработке вещей часть истлевших фрагментов полностью распалась. Остальные предметы были вымочены в растворе антисептика (тимол) и пропитаны оливковым маслом. Именно они будут охарактеризованы нами ниже. Всего определение получили 200 кожаных деталей обуви и относящиеся к ним 24 железных гвоздя и одна прокладка из бересты. Наиболее характерные детали обуви из погребений представлены на рисунках (рис. 1–3).

Найденная в 28 погребениях обувь принадлежит различным формам: в 13 погребениях — это низкие формы обуви типа поршней; в 10 погребениях сапоги; в одном погребении встречены башмаки на низком каблуке; также в одном погребении отмечены специальные погребальные тапки; в трех погребениях форма обуви осталась неопределимой. Кроме того, непонятно наличие в погребении № 89 вместе с деталями сапог, которые значительно преобладали (24 предмета из 26) и принадлежали именно погребенному здесь человеку, также двух фрагментов поршней.

Большая часть деталей обуви сохранилась фрагментарно. Поэтому в графических рисунках отражены предметы только из девяти погребений и детали, отнесенные к подъемному материалу. Они представляют более обширный материал из разных погребений, данный в описаниях.

Поршни

Среди поршней отмечены два варианта, известные на сегодня в средневековой России по археологическим материалам: однодетальные поршни, то есть кроеные из одного куска кожи и стягиваемые кожаными оборами по всем краям; составные поршни, сшитые из нескольких деталей.

Однодетальные поршни имеют варианты раскроя в оформлении носка и прорезей

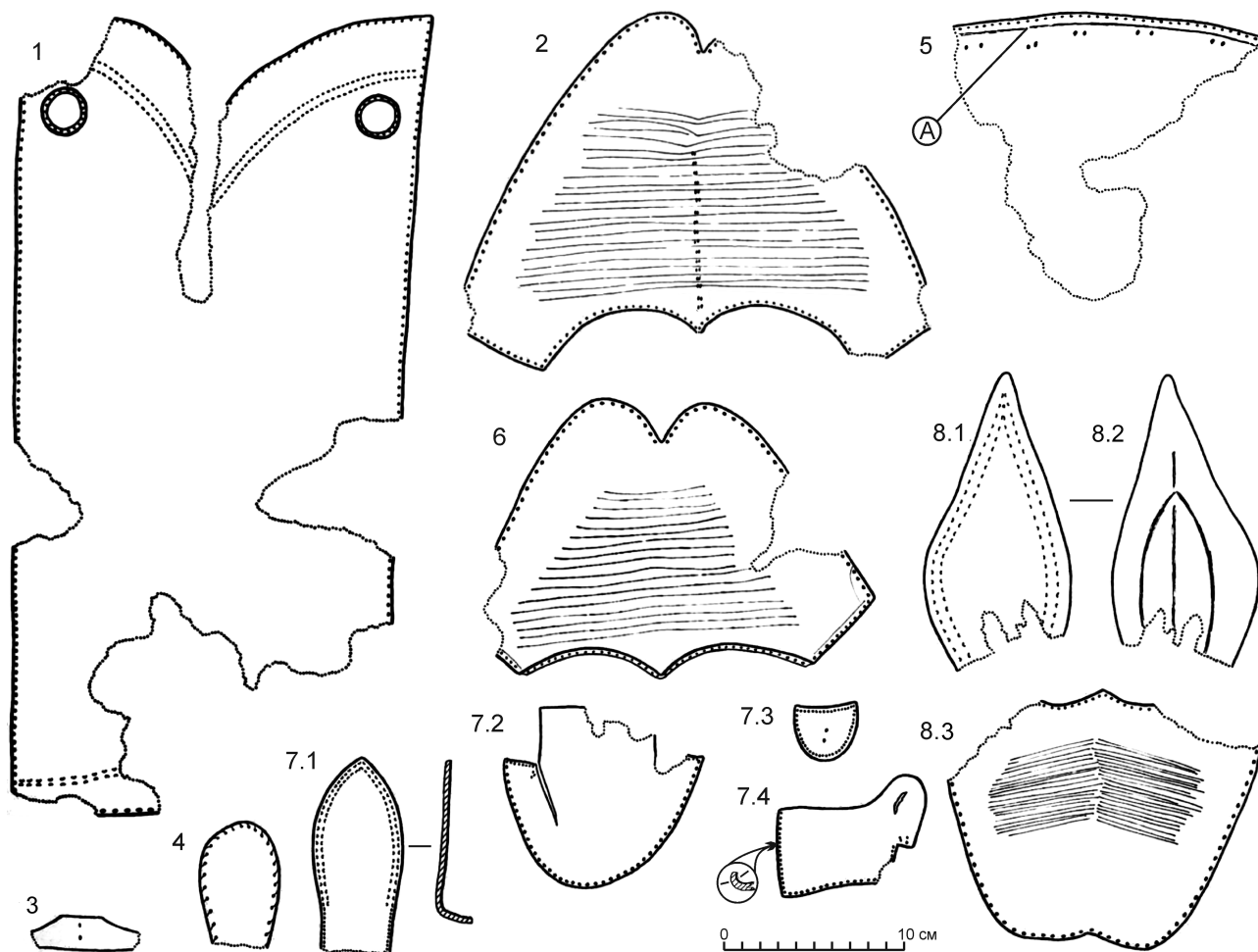

Рис. 1. Графическое изображение деталей обуви: 1–4 — погребение № 87; 5 — погребение № 102, А — линия тиснения; 6 — Т. 12 (кв. Р-5) пик. 1455; 7.1–7. 4 — погребение № 77; 8.1–8.3 — погребение № 59
 Fig. 1. Drawings of parts of footwear: 1–4 — burial no. 87; 5 — burial no. 102, A — line of embossment; 6 — TS point 12 (square P-5), picket 1455; 7.1–7. 4 — burial no. 77; 8.1–8.3 — burial no. 59

для обор. В погребении № 1 хорошо сохранились боковые края детали с равномерно расположенными прорезями (шириной 7–9 мм) для кожаной оборы шириной 6–7 мм. Носок и пятка, вероятно, были сшиты нитями, но установить это невозможно. Близкий вариант поршня найден в могильнике у с. Варзуга (Шахнович, Широбоков, 2013. Рис. 2; Курба-тов, 2014а. С. 88. Рис. 5).

Другой вариант оформления — длинные парные прорези для обор, перпендикулярные краю раскроек (рис. 3, 4). Ширина прорезей 1,2–1,5 см, при этом ширина кожаных обор не превышает 6–7 мм. Носок оформляли частые поперечные полосы кожи, в каждой из

которых также делали прорезь для продевания кожаной оборы. При этом полосы разворачивались на 90°, создавая декоративную полосу на подъеме. Углы носка смыкались, образуя соединение краев по оси носка, которые сшивались растительной нитью швом «змейка». Особой разновидностью такого поршня является пара из погребения № 112, где продольный шов по носку выполнен узкой кожаной полоской, заплетенной в виде «косы», это так называемый «плетешок». Поршни с таким оформлением носка были особо популярны в городах Северо-Запада России в XVI в.

Третий вариант крепления обуви на стопе, самый простой в исполнении, показывает

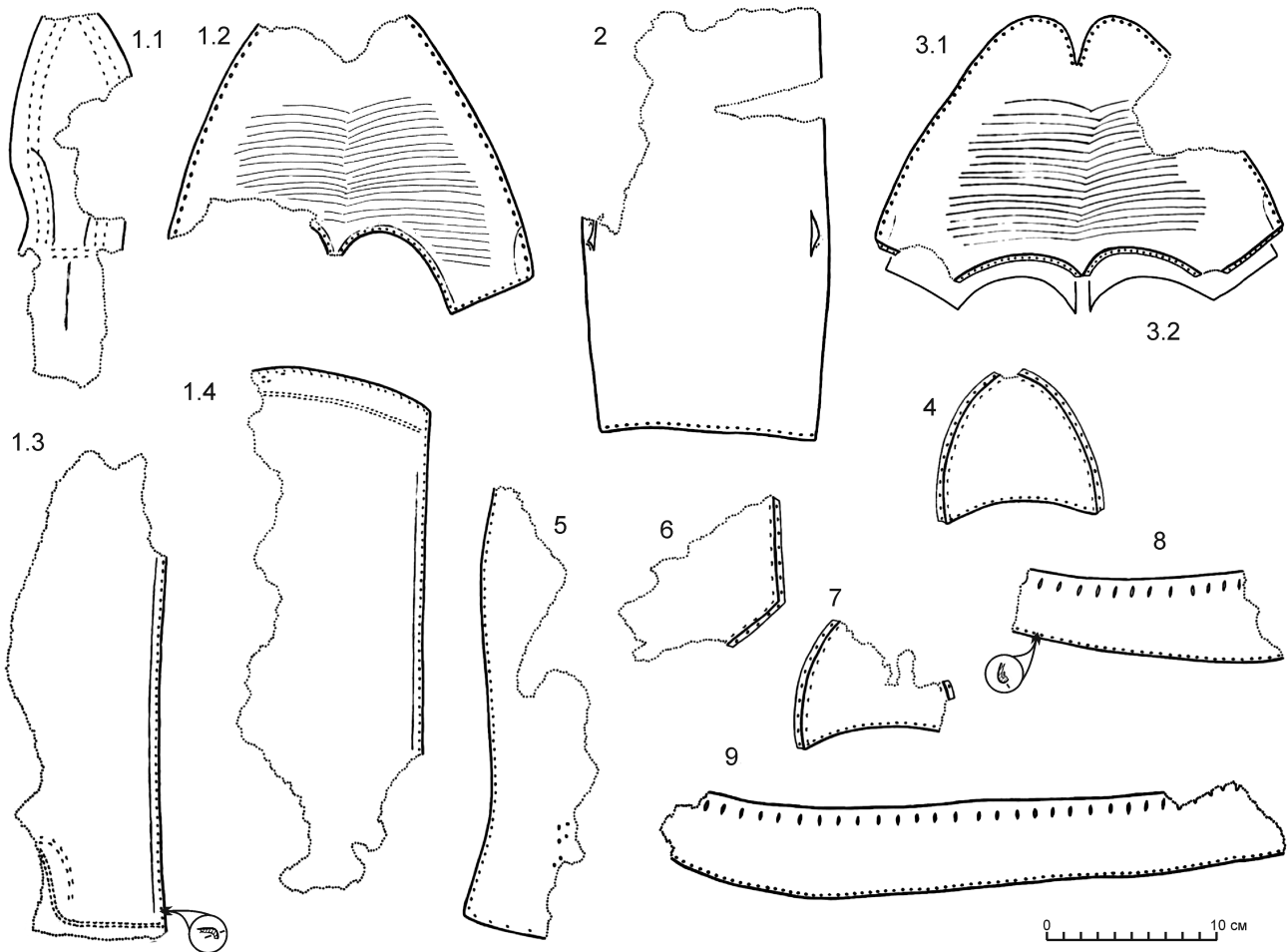

Рис. 2. Графическое изображение деталей обуви: 1.1–1.4 — погребение № 83; 2 — погребение № 88; 3.1–3.2 — погребение № 26; 4–9 — погребение № 6

Fig. 2. Drawings of parts of footwear: 1.1–1.4 — burial no. 83; 2 — burial no. 88; 3.1–3.2 — burial no. 26; 4–9 — burial no. 6

некую небрежность оформления обуви. В погребении № 102 сохранился фрагмент детали с небольшими парными отверстиями вдоль края (размер отверстий — 1,5 мм), через которые протягивали шнурок, стягивавший обувь на стопе (рис. 1, 5). Эти поршни были выкроены из вторично использованной кожи голенища сапога. Такие же поршни отмечены еще в трех погребениях. О сходстве можно судить по характерным стежкам на швах, соединяющих основные детали сапог (длиной 3–4 мм) и швы от обшивки верхнего края голенищ.

Все эти варианты оформления поршней встречены в слоях и комплексах позднего

средневековья, которое в отечественной историографии относятся к эпохе Московского царства (конец XV — XVII в.), и представлены во многих русских городах (Курбатов, 2015. С. 467–470), в частности, в Москве (Осипов, 2014), Ивангороде (Курбатов, 1991; 1995), Пскове (Курбатов, Харлашов, 2004; Курбатов, 2006), Вологде (Андреанова, 2011. С. 210–211; Андреанова, Фёдоров, 2012), Смоленске (Осипов, Соболев, 2014).

Составные поршни. Характерные признаки моделей: 1) наличие отдельной детали подошвы с загнутыми вверх боковинами и сложенными углами носка; 2) подшитые отдельные детали боковин (одна или две), пришитые

к боковым сторонам «подошвы»; 3) особая подтреугольная вшивная вставка в носок, закрывавшая пальцы на подъеме. Название «составной поршень» впервые употребила Е. И. Оятева по отношению к единичной находке в слоях XVI–XVII вв. на Земляном городище в Старой Ладогe (Оятева, 1965. С. 52, 54). Позднее модели такой обуви были отмечены в Пскове и Орешке, в слоях XV–XVI вв., и названы специфической обувью народов Русского Севера и Сибири (Курбатов, 2007. С. 157 и сл.), что подтвердили материалы заполярной Мангазеи (Визгалов и др., 2011. С. 39–41). Для Русского Севера подобная обувь известна по коллекции с Кремлевской площади в Вологде, датируемой концом XV — XVII в. (Андреанова, Фёдоров, 2012. С. 82–88).

В Кемском могильнике составные поршни зафиксированы в трех погребениях. Наиболее полно все характерные детали встречены в погребениях № 6 (рис. 2, 4–9) и № 7. Кроме конструктивного отличия у них отмечено и своеобразие кожевенного сырья — это толстая сыромятная оленья кожа.

Сапоги

Они найдены в 10 погребениях, но сохранность отдельных предметов сильно различается. Наиболее интересными для изучения конструкции и внешнего вида являются материалы четырех погребений. Они показывают, что сапоги имели достаточно высокие голенища (до 30 см), сшитые из передней и задней половин, полностью закрывавшие голень и доходившие до колена. Верхний край голенищ имел небольшой скос вниз от переднего к заднему краю. На него пришивалась полоса материала (ткани или кожи) шириной 1,5–2,5 см. Возле верхнего края голенища, на его задней половине, имелись два круглых отверстия диаметром 2,5–3,0 см, расположенные симметрично по бокам. По краю этих отверстий видны тачные швы, выполненные мелкими стежками (рис. 1, 1; 3, 1). Они показывают, что на край отверстия пришивалась тонкая полоска кожи, сложенная вдвое, которая усиливала жесткость края отверстия и уменьшала его растяжение при надевании

сапога на ногу. Отверстия же служили для захвата пальцами рук верха голенища при надевании сапога. Такое объяснение эта конструктивная деталь получила после находки кожаных полос на голенищах в Пскове (Курбатов, 2012. С. 164–165).

Другая особенность кемских сапог — выкраивание «задника» в одну деталь с задней половиной голенища. Об этом свидетельствуют характерные швы на внутренней стороне голенища возле пятки, указывающие на пришивание здесь особой детали — кармана (рис. 1, 1; 2, 1.3), в который вкладывали берестяные или кожаные прокладки (рис. 1, 3), делающие задник сапога более жестким. Овальная кожаная нашивка на верхнюю часть кармана (рис. 1, 4), на пришивание которой указывают следы шва (рис. 2, 1.3), должна была сгладить выпуклость от кармана на внутренней поверхности сапога, чтобы облегчить его надевание.

Головки сапог имели в носке небольшой вырез, куда вшивался заостренный носок подошвы, а также относительно небольшие «крылья», то есть боковые выступы, и относительно небольшой заостренный выступ на подъеме. Другая техническая деталь — это поперечное линование головки, обеспечивающее равномерное сжатие детали при движении, что исключало риск появления глубокой складки на подъеме. Головки также имели двучастные поднаряды (рис. 2, 1.2, 3.1, 2).

Подошвы — однодетальные, из относительно толстой кожи, со швом на внутренней поверхности (так называемые потайные швы), с округлой пяткой и заостренным носком (рис. 1, 8.1; 2, 1.1–1.4). На нижней (плантарной) стороне подошвы в районе пятки сохраняются железные гвозди, набитые в один ряд по краю подошвы и предохранявшие обувь от протирания. Также встречены скопления мелких железных гвоздиков с округлой головкой, которые набивали на загнутый вверх острый носок подошвы для украшения обуви. Оба вида железных гвоздей найдены в погребении № 83.

Конструкция встреченных сапог характерна для XVI в. и описана по материалам

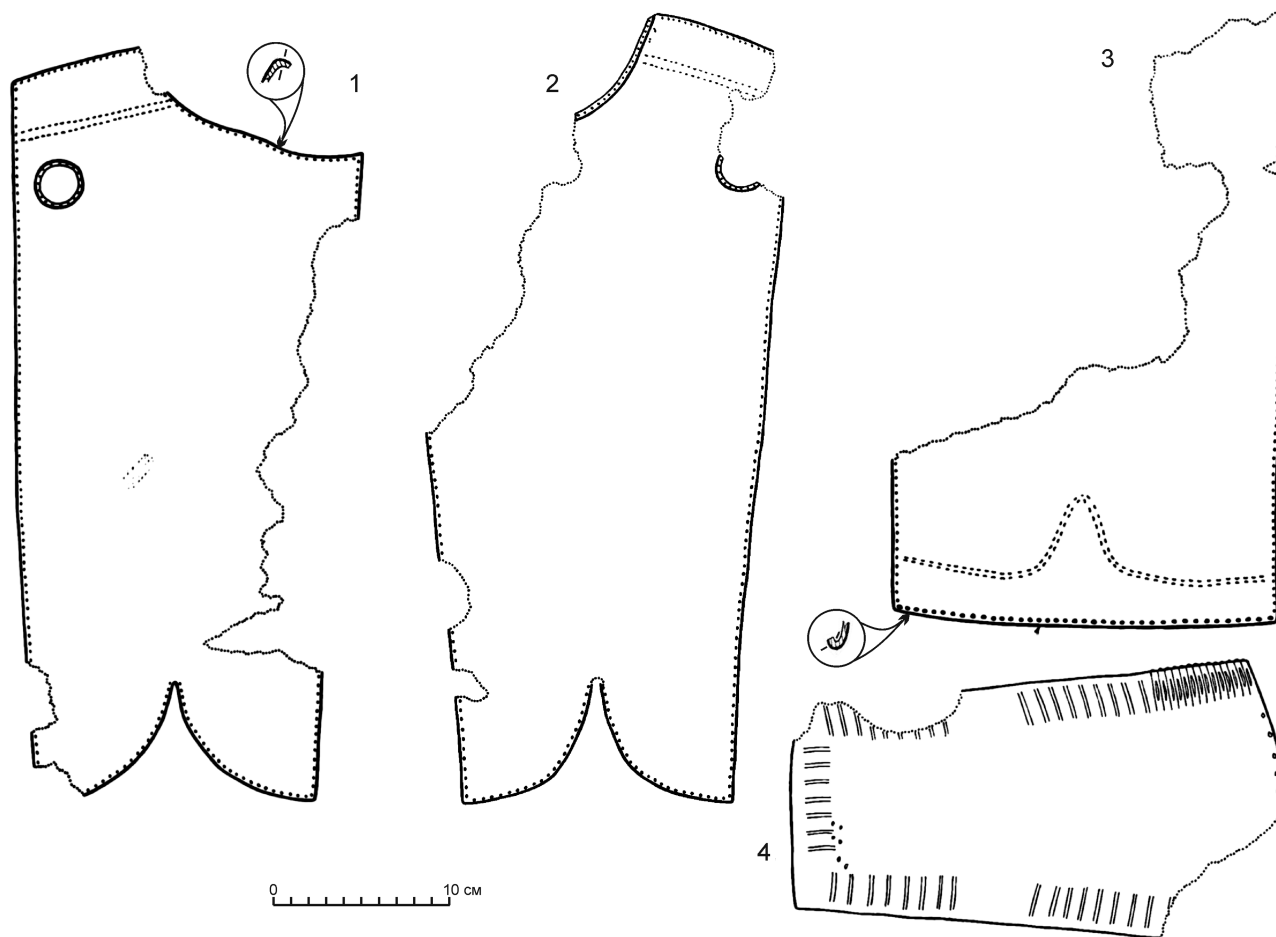

Рис. 3. Графическое изображение деталей обуви: 1–3 — погребение № 87; 4 — погребение № 78
 Fig. 3. Drawings of parts of footwear: 1–3 — burial no. 87; 4 — burial no. 78

русских городов (Курбатов, 2015. С. 486–487). Она не была воспринята в странах Западной и Северной Европы в то время. Поэтому в Королевском историческом музее в Стокгольме обувь подобной конструкции выставлена как раритет — подношение татарской делегации (Swann, 2001. Fig. 103). Некоторые технические приемы пошива, такие как низкий карман задника, овальная нашивка на него, более яркая окраска (тонировка) поверхности кожи, позволяют предполагать пошив сапог в Новгороде, где сохранялся высокий технический потенциал в кожевенном деле. Такие сапоги были найдены в могильнике Кюлялахти Калмистомяки на Карельском перешейке, где также отнесены к первой половине XVI в. (Курбатов, Бельский, 2014. С. 161 и сл.).

Знаки на подошвах сапог. Интересной особенностью сохранившихся сапог можно назвать тисненные линии на плантарной стороне подошв, соприкасавшейся с почвой. Такие линии найдены на подошвах в двух погребениях. Линии сделаны на мерее горячей металлической полосой шириной 1,0–1,5 мм, возможно, обушком ножа. В погребении № 59 (рис. 1, 8.2) в передней части подошвы, под плюсной стопы, по продольной оси проведена линия, не достигающая носка. С двух сторон на нее наложены две изогнутые линии, образуя в плане двояковыпуклую линзу. В погребении № 83 (рис. 2, 1.1) отпечаток знака расположен под сводом стопы. Он включает три линии, две из которых расходятся в стороны по направлению к носку, а третья лежит на продольной оси подошвы.

Башмаки

Они найдены только в погребении № 77 (рис. 1, 7.1–7.4) и, судя по размеру, принадлежали подростку. Башмаки включали остроносую подошву, загнутую к пятке, головку, одну деталь парных берцев (составляли задник) и четыре кожаных каблучных флика. Не сохранились деревянная основа каблука, его кожаная обшивка и одна деталь берцев.

С формами такой обуви можно связывать использование каблучков, что фиксируют находки на разных археологических памятниках. Само появление этого типа обуви в русских городах следует ограничивать временем широкого употребления его названия (слова «башмак») в русском языке, то есть последней четвертью XVI в. В описи имущества Ивана Грозного записано: «[1583] Башмаки сделати светло зелены», а в приходно-расходной книге Антониева монастыря читаем: «[1580] Куплено...сапоги телятинные башмашные красные» (СлРЯ XI–XVII вв. Вып. 1. С. 82). Название обуви отражено и в ранних списках Домостроя при описании свадебного «чина»: «И какъ будет готово и друшка придет, и онъ встав в башмаки, и шубу нагольную на себя да шапку подскорную, поидет закрывся рукавом» (СлРЯ XI–XVII вв. Вып. 16. С. 57). В то же время появление русских личных прозвищ «Башмак» относится к XV в. Оно встречается в Софийском временнике, по списку XV–XVI вв., под 6955/1447 г. (*Вахрос*, 1959. С. 67–68). Известна купчая, составленная около 1490–1500-х гг., где по слухом назван Дмитрий Башмак Иван сын Романова (Акты СЭИСВР, 2, 1958. С. 257). Здесь можно отметить интересный момент — в русском языке термин заимствован из тюркских языков (*Шанский и др.*, 1971. С. 38; *Фасмер*, 1996. Т. 1. С. 139), тогда как называемые этим словом модели обуви имеют западное происхождение.

Низкие многочастные модели обуви XVI–XVII вв., подобные кемской находке, известны в Ивангороде, Мангазее, Пустозерске, Москве, Смоленске и других городах. Например, коллекция из Ивангородской крепости 1990 г. происходит из заполнения рва(?)

конца XVI — первой половины XVII в. и имеет в основе детали низкой обуви двух конструкций. В первой использован выворотный метод соединения верха и подошвы швом «в подтай». Вторая конструкция, доминирующая в коллекции, является развитием ранних моделей. Башмаки из Мангазеи относятся к первой половине XVII в. Их отличает большое число деталей, сложность раскроя и сборки. Фасоны обуви различаются формой, высотой и шириной каблучков (*Курбатов, Овсянников*, 1999; *Курбатов*, 1995; 2010). Декор башмаков разнообразен. По размерам башмаки были женской обувью — *котами*.

Региональным видом позднесредневековых башмаков русского населения Сибири можно назвать *уледи*, изученные в Мангазее. В их конструкции использована толстая широкая подошва, без каблука или подпяточных подкладок. В большинстве моделей использован крой верха в одну деталь, с суконной обшивкой по верхнему краю (*Курбатов*, 2010). Эта обувь конструктивно отличается от западноевропейских моделей.

Высказанное ранее мнение о появлении в русских городах каблучков как самостоятельной детали обуви во второй половине XVI в. сегодня подтверждают исследования разных специалистов. Аналогичная ситуация отмечается и в городах Беларуси (*Дук, Штыхов*, 2012. С. 364).

Погребальные тапки

Специальные «погребальные тапки» встречены только в одном погребении — № 88 (рис. 2, 2). Они представляют собой прямоугольные раскройки из тонкой (1,0 мм) кожи крупного рогатого скота с черненой поверхностью. Шивные регулярные отверстия швов имеются только на коротких противоположных краях раскроек, соответствовавших носку и пятке обуви. В средней части длинных сторон встречено всего по одной прорези длиной 2,5–3,0 см с каждой стороны; в них продевались завязки или ремешки, охватывавшие подъем стопы.

В целом специальную «покойницкую» кожаную обувь из средневековых погребений

можно рассматривать как показатель внедрения в широкие народные массы норм православного религиозного сознания. Археологические находки в погребениях XI–XV вв. из разных земель Руси показывают только обиходную обувь, сходную с изделиями из культурных слоев древнерусских городов. Принципиально иной материал дают некрополи XVI–XVII вв., показывая уже обычай подготовки особой «покойницей» обуви. Она найдена в Новгороде, Пскове, Твери, Антониево-Дымском монастыре (Курбатов, 2002; Курбатов, Ершова, 1998; Курбатов, Григорьев, 2002; Осипов, 2013).

Выводы

Встреченные в погребениях Кемского погоста образцы кожаной обуви определенно указывают на ее пошив в XVI в., а сопоставление этих находок с письменными источниками позволяет более уверенно ограничивать время захоронений второй половиной столетия.

Датирование открытых захоронений представляет определенную трудность, поскольку датирующие вещи в погребениях отсутствуют. Редкими находками являются части кожаной обуви, остатки которых зафиксированы в 28 погребениях и имеют разную степень сохранности. В целом встреченная обувь может быть датирована второй половиной XVI — началом XVII в.

Обнаруженные сапоги принадлежат к типу «жесткой обуви» с характерными конструктивными чертами первой — третьей четверти XVI в. Кроме обуви в трех захоронениях младенцев были обнаружены положенные на грудь нательные крестики и в одном погребении младенца — квадратная нательная иконка (все предметы из медных сплавов). В двух погребениях взрослых людей, возможно, женщин, найдено по одной иголке (или булавке без головки), и еще в одном погребении сохранились два обрывка ткани. Сегодня именно детали обуви позволяют датировать эти захоронения.

Возможно, отдельные погребения следует относить к концу XVI — началу XVII в.,

в частности, погребение № 77, где встречен образец низкой обуви — башмаков определенной конструкции, который мог появиться в Поморье не ранее 80-х гг. XVI в., когда он стал широко распространен в Западной и Северной Европе.

Особый хронологический интервал надо предполагать для погребений № 23 и 24, которые, вероятно, были подложены под стену апсиды Успенского придела с южной стороны. Меньшая глубина отрыва ям для них относительно уровня древней дневной поверхности по сравнению с другими захоронениями предполагает позднее время захоронений, которое надо ограничивать пределами XVIII–XIX вв. Эти захоронения прорезают слой горелого дерева, прослеженный при раскопках под основанием трапезной, сеней и трех приделов церкви (Никольского, Успенского и Зосимо-Савватиевского) на всей площади собора. Мощность угольного слоя, вне западин, на некоторых участках составляла 5–10 см, а под Никольским приделом доходила до 20–25 см. В этом слое надо видеть результат пожара, случившегося в XVIII–XIX вв., когда церковь полностью сгорела.

Намек на пожар и уничтожение церкви имеется в Кратком историческом описании приходов и церквей Архангельской епархии: «Нынешний соборный приходской храм устроен в 1714 г. и возобновлен в последний раз в 1889 г.; при всем том в настоящее время он ветх; а до возобновления он был даже совсем закрыт...» (Краткое историческое описание..., 2015. С. 114).

Встреченные в погребениях № 59 и 83 подошвы сапог с тисненными знаками позволяют пересмотреть взгляд на традицию клеймения обуви русскими мастерами в сторону ее удревнения. В рецензии на работу Д. О. Осипова о коллекции кожаных изделий из Московского Кремля автор отмечал интерес к находкам подошв с тисненными знаками, которые можно считать знаками мастеров или оптовых торговцев обувью (Курбатов, 2016. С. 216). На сегодня сложилось представление о появлении таких знаков-клейм в русских городах на изделиях не ранее первой половины

- XVII в. Д. О. Осипов в своей монографии называет вторую половину столетия (Осипов, 2014. С. 48), хотя в других своих работах он писал о появлении знаков на обуви в русских городах в первой половине XVII в. (Осипов, Соболев, 2014. С. 353). Подтверждением нашего мнения служит большой комплекс обуви из заполярного города Мангазеи, где встречены 33 клейма десяти разновидностей (на 19 % подошв «с крокулем») (Визгалов и др. 2011. С. 51–52). Основная часть коллекции может быть датирована периодом до 1642 г., когда город сильно выгорел и большинство жителей (стрельцы, промышленники и администрация) переселились в Новую Мангазею — Турханск (Курбатов, 2010. С. 227; 2014б. С. 188).
- Таким образом, в связи с новыми находками в Кеми можно поставить вопрос о пересмотре места и времени первого клеймения обуви русскими мастерами. Можно предположить, что во второй половине XVI в. первыми это стали делать сапожники в Новгороде.
-
- Акты СЭИСВР — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в.: В 3 т. / Отв. ред. Б. Д. Греков. М.: Изд-во АН СССР, 1952–1964. Т. 1 / Сост. и примеч. С. Б. Веселовского; послесл. Л. В. Черепнин. 1952. 803 с.; Т. 2 / Сост. И. А. Голубцов. 1958. 727 с.; Т. 3 / Сост. И. А. Голубцов. 1964. 686 с.
- Андреанова, 2011 — Андреанова Л. С. Коллекция кожаных изделий XV–XVII вв. из Вологды (по материалам раскопок 2007–2008 гг. на проспекте Победы, 20) // Тр. III (XIX) Всероссийского археологического съезда. СПб.; М.; Великий Новгород: Новгородский технопарк, 2011. Т. II. С. 211.
- Андреанова, Фёдоров, 2012 — Андреанова Л. С., Фёдоров А. С. Кожаная обувь из раскопок на Кремлевской площади в Вологде // Археология Севера / Ред. А. В. Кудряшов. Череповец: Череповецкое музейное объединение, 2012. Вып. 4. С. 82–91.
- АСМ, 1988 — Акты социально-экономической истории севера России конца XV — XVI в.: Акты Соловецкого монастыря 1479–1571 гг. / Сост. И. З. Либерзон. Л.: Наука, 1988. 273 с.
- АСМ, 1990 — Акты социально-экономической истории севера России конца XV — XVI в.: Акты Соловецкого монастыря 1572–1584 гг. / Сост. И. З. Либерзон. Л.: Наука, 1990. 328 с.
- Бахрушин, 1952 — Бахрушин С. В. Научные труды. Т. I. Очерки по истории ремесла, торговли и городов Русского централизованного государства XVI — начала XVII в. М.: Изд. АН СССР, 1952. 263 с.
- Буров, 2001 — Буров В. А. Надгробная плита 1575 г. Михаила Озерова из Соловецкого монастыря // РА. 2001. № 2. С. 132–134.
- Вахрос, 1959 — Вахрос И. С. Наименования обуви в русском языке. 1. Древнейшие наименования до петровской эпохи // Ежегодник Института по изучению СССР и Финляндии. Приложение к № 6/10. Хельсинки, 1959. 271 с.
- Визгалов и др., 2011 — Визгалов Г. П., Пархимович С. Г., Курбатов А. В. Мангазея: кожаные изделия (материалы 2001–2007 гг.). Екатеринбург: Изд-во АМБ, 2011. 216 с.
- ГВНП, 1949 — Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С. Н. Валка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 408 с.
- Дук, Штыхов, 2012 — Дук Д. В., Штыхов Г. В. Кожевенно-обувное ремесло // Полоцк / Гл. ред. А. А. Коваленя. Минск: Беларуская навука, 2012. С. 363–365 (Древнейшие города Беларуси).
- Ключевский, 1990 — Ключевский В. О. Хозяйственная деятельность Соловецкого монастыря в Беломорском крае // Ключевский В. О. Собрание сочинений: В 9 т. / Под ред. В. Л. Янина. М.: Мысль, 1990. Т. 8. Статьи / послесл. В. А. Александрова; коммент. составили В. А. Александров, В. Г. Зимица. 445 с.
- Краткое историческое описание..., 2015 — Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии. Архангельск, 2015. 528 с.
- Курбатов, 1991 — Курбатов А. В. Коллекция кожаных предметов из Ивангорода (по раскопкам 1980–1986 гг.) // КСИА. 1991. Вып. 205: Славяно-русские древности. С. 71–76.

- Курбатов*, 1995 — *Курбатов А. В.* Кожаные изделия шведского периода из раскопок Ивангородской крепости // РА. 1995. № 2. С. 198–208.
- Курбатов*, 2002 — *Курбатов А. В.* Погребальная обувь средневековой Руси // АВ. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. № 9. С. 155–172.
- Курбатов*, 2006 — *Курбатов А. В.* Кожаные предметы из раскопов IVA и XIV на ул. Ленина // АиИППЗ. Материалы LI научного семинара. Псков, 2006. С. 87–112.
- Курбатов*, 2007 — *Курбатов А. В.* Этапы освоения Севера в связи с развитием кожевенного ремесла средневековой России // АВ. М.: Наука, 2007. Вып. 14. С. 157–165.
- Курбатов*, 2010 — *Курбатов А. В.* Культура и ремесло русского заполярного города: кожаные изделия Мангазеи по раскопкам 2001–2007 гг. // ЗИИМК. 2010. № 5. С. 211–230.
- Курбатов*, 2012 — *Курбатов А. В.* Спорные вопросы в изучении кожевенного ремесла средневековой России // АВ. 2012. № 18. С. 162–173.
- Курбатов*, 2014а — *Курбатов А. В.* Новые исследования по кожевенному ремеслу в средневековой Европе // Ладога и Ладожская земля в эпоху Средневековья. Вып. 4 / Отв. ред. А. Н. Кирпичников. СПб.: Нестор-История, 2014. С. 76–107.
- Курбатов*, 2014б — *Курбатов А. В.* Традиции кожевенного ремесла в Сибири (по материалам раскопок Мангазеи в 2001–2007 гг.) // Археология Арктики / Ред. Н. В. Федорова. Екатеринбург: Деловая пресса, 2014. Вып. 2. С. 182–204.
- Курбатов*, 2015 — *Курбатов А. В.* Обувная мода в средневековой Руси // ТАС. Тверь, 2015. Вып. 10. Т. II. С. 467–495.
- Курбатов*, 2016 — *Курбатов А. В.* Кожевенное ремесло в средневековой Москве. Рец. на кн.: Осипов Д. О. Средневековая обувь и другие изделия из кожи (по материалам раскопок в Московском Кремле). М.: ООО «Издательский дом «АКТЕОН», 2014 // АВ. 2016. Вып. 22. С. 213–222.
- Курбатов*, *Бельский*, 2014 — *Курбатов А. В., Бельский С. В.* Изделия из кожи в погребениях грунтового могильника Кюлялахти Калмистомяки в Северо-Западном Приладжье // ЗИИМК. 2014. № 9. С. 161–168.
- Курбатов*, *Григорьев*, 2002 — *Курбатов А. В., Григорьев Д. Н.* Исследования в Антониево-Дымском монастыре // Ладога и Северная Евразия от Байкала до Ла-Манша. Связующие пути и организующие центры: Шестые чтения памяти А. Мачинской (Старая Ладога, 21–23 декабря 2001 г.). СПб.: СИААМЗ, 2002. С. 191–195.
- Курбатов*, *Ершова*, 1998 — *Курбатов А. В., Ершова Т. Е.* Погребальная обувь из раскопок псковской «скудельницы» XVI в. // Церковная археология. СПб., 1998. Вып. 4: Материалы Второй Всероссийской церковно-археологической конференции, посвященной 150-летию со дня рождения Н. В. Покровского (1848–1917) (Санкт-Петербург, 1–3 ноября 1998 г.). С. 103–139.
- Курбатов*, *Овсянников*, 1999 — *Курбатов А. В., Овсянников О. В.* Изделия кожевенного производства в городах русского Заполярья (Мангазея) // АВ. 1999. № 6. С. 245–271.
- Курбатов*, *Харлашов*, 2004 — *Курбатов А. В., Харлашов Б. Н.* Кожевенное производство древнего Пскова по материалам Васильевского раскопа 1990 г. // АиИППЗ. Материалы 50 научного семинара. Псков: ПГОИАХМЗ, 2004. С. 137–153.
- Материалы по истории Карелии, 1941 — Материалы по истории Карелии XII–XVI вв. / Под ред. В. Г. Геймана. Петрозаводск: Госиздат Карело-Фин. ССР, 1941. 440 с.
- Ополовников*, 1989 — *Ополовников А. В.* Сокровища Русского Севера. М.: Стройиздат, 1989. 367 с.: ил.
- Осипов*, 2013 — *Осипов Д. О.* Обувь из погребений и погребальная обувь // Археология Подмосковья: Материалы науч. семинара. М.: ИА РАН, 2013. Вып. 9. С. 140–151.
- Осипов*, 2014 — *Осипов Д. О.* Средневековая обувь и другие изделия из кожи (по материалам раскопок в Московском Кремле). М.: ООО «Издательский дом «АКТЕОН», 2014. 269 с.
- Осипов*, *Соболь*, 2014 — *Осипов Д. О., Соболь В. Е.* Коллекция кожаной обуви из раскопок в Смоленске // Археология Подмосковья: Материалы науч. семинара. М., 2014. Вып. 10. С. 345–361.

- Оятева, 1965 — Оятева Е. И. Обувь и другие кожаные изделия Земляного городища Старой Ладogi // АСГЭ. Л., 1965. Вып. 7. С. 42–59.
- Савич, 1927 — Савич А. А. Соловецкая вотчина XV–XVII вв. (Опыт изучения хозяйства и социальных отношений на крайнем русском севере в Древней Руси). Пермь: О-во историч. философских и соц. наук при Пермск. ГУ, 1927. 280 с.
- СлРЯ XI–XVII вв. — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1: А–Б / Сост. Н. В. Бахилина и др.; Гл. ред. С. Г. Бархударов. М.: Наука, 1975. 371 с.; Вып. 16: Поднавсъ — Поманути / Гл. ред. Г. А. Богатова. М.: Наука, 1990. 295 с.
- Фасмер, 1996 — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. Изд. 3-е. СПб.: Азбука, ИЦ «Терра», 1996. Т. 1, 576 с. Т. 2, 672 с. Т. 3, 832 с. Т. 4, 864 с.
- Хартанович, Шахнович, 2009 — Хартанович В. И., Шахнович М. М. Материалы к изучению погребального обряда и краниологии населения Северной Карелии (могильник Алозеро) // Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2008 г. / Отв. ред. Ю. К. Чистов, М. А. Рубцова. СПб.: МАЭ РАН, 2009. С. 104–109.
- Шанский и др., 1971 — Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка. Изд. 2-е. М.: Просвещение, 1971. 542 с.
- Шахнович, 2010 — Шахнович М. М. Средневековая археология северного Прибеломорья (река Варзуга) // НиНЗИА. Великий Новгород: НГОМЗ, 2010. Вып. 24. С. 63–79.
- Шахнович, 2011 — Шахнович М. М. Новые средневековые находки в Русской Лапландии // НиНЗИА. Великий Новгород: НГОМЗ, 2011. Вып. 25. С. 100–113.
- Шахнович и др., 2012 — Шахнович М. М., Галлеев Р. М., Лейбова (Суворова) Н. А., Хартанович В. И. Археолого-антропологические работы в 2011 году в с. Варзуга (Мурманская обл.) // НиНЗИА. Великий Новгород: НГОМЗ, 2012. Вып. 26. С. 149–166.
- Шахнович, Ширококов, 2013 — Шахнович М. М., Ширококов И. Г. Позднесредневековый некрополь с. Варзуга: итоги работ 2011–2012 гг. // НиНЗИА. Великий Новгород: НГОМЗ, 2013. Вып. 27. С. 97–113.
- Шахнович, Ширококов, 2014 — Шахнович М. М., Ширококов И. Г. Археологическое обследование церкви Рождества Пречистой Богородицы в г. Кандалакша в 2013 г. // НиНЗИА. Великий Новгород: НГОМЗ, 2014. Вып. 28. С. 174–188.
- Штаден, 1925 — Штаден Г. О Москве Иоанна Грозного. Записки немца-опричника. Л., 1925. 182 с.
- Штаден, 2005 — Штаден Г. О Москве Иоанна Грозного / Подготовка изд. А. И. Цепков. Рязань: Александрия, 2005. 606 с. (Источники истории).
- Swann, 2001 — Swann J. History of Footwear in Norway, Sweden and Finland. Stockholm: Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien, 2001. 357 s.

Leather articles and objects accompanying them from excavations of the Kem pogost in 2017

A. V. Kurbatov

Rescue excavations of the Kem pogost (churchedyard) in 2017 continued the active archaeological investigations of mediaeval sites of Northern Russia. The excavations uncovered 117 burials. In 28 of the latter, remains of leather footwear were found. In addition, surface finds of five parts of high boots and a fragment of a *porshen* (leathern sandal) were examined. This footwear is characteristic of the Pomor population of Northern Russia while its design, the manner of cut and sewn-on decoration positively indicate that it was manufactured in the 16th century. Collation of these finds with written sources enables us to limit with confidence the time of the burials to the second half of that century or the beginning of the 17th century.

The dating of the burials is rather difficult because of the absence of individual grave goods there. At the same time, the high boots uncovered in the graves belong to the type of the 'rigid footwear' with the characteristic construction features of the first to third quarter of the 16th century. Along with the footwear, in three of the baby burials, cross pendants and, in one burial of a baby, a square icon were found put on the breast. All these objects were from copper alloys. In addition, in two graves of adults, possibly women, a needle (or a pin without a head) were found in each, while two textile scraps were preserved in yet another burial. By now, exactly the parts of footwear from this collection can indicate most definitely the date of the graves.

Presumably, some of the burials are datable to the late 16th — early 17th century. In particular, it is burial no. 77 where an example of low footwear, i.e. a shoe of a certain design, was found. This type of shoes can have appeared in Pomorye not earlier than the 1580s when it became widely used in Western and Northern Europe.

A particular chronological range may be proposed for two burials (nos. 23 and 24) which probably were made under the wall of the apse of the Assumption side chapel on the south. The smaller depth of their pits from the level of the ancient surface as compared with other burials suggests a later date of the interments limited probably to the period of the 18th to 19th century. These graves had cut through the layer of burnt wood traced by excavations under the base of the refectory, inner porch and three aisles (St Nicholas, Dormition and St Zosima and St Savvaty) of the church throughout the entire area of the cathedral. The thickness of the charcoal layer was 5–10 cm at some areas, excluding depressions, while under the St Nicholas aisle it reached 20–25 cm. This layer must have been a result of the fire occurred sometime in the 18th or 19th century when the church was completely burnt.

The boot soles with embossed signs found in burials nos. 59 and 83 enable us to revise in favour of an older date the view on the tradition of stamping footwear by Russian leather dressers. By now, the opinion has been established about the appearance of the trade marks of this kind in Russian towns not earlier than the first half of the 17th century. The new finds from Kem induce us to reconsider the place and time of the first stamping of footwear by Russian artisans. It is probable that the first shoemakers who stamped their products were those from Novgorod of the second half of the 16th century.